

Владислав Китик

И в малом – сила

Фанерная доска объявлений, невзначай снятая в коридоре домоуправления, лежала поперек кокпита. На ней давно томился приперченный брусок сала, над краем миски горкой поднимались одесские биточки из тюльки, согласно с волнами покачивался в банке саламур с малосольными огурчиками. Уже на стекле заветной бутылки заиграли полдневные блики, а капитана все не было.

– Может, хоть по кусочку пока съедим? А, Боцман? – мечтательно произнес Ленчик.

Но тот резко оборвал его.

– Приступать к еде, не дождавшись капитана?! – брови старожилы яхты «Фагот» возмущенно поднялись под козырек выгоревшей на солнце кепки. – Это значит потерять уважение всего яхт-клуба. Видно, что ты салага по первой ходке.

Воцарилось вязкое пудовое молчание, какое нависает над головами отяжелевших от усталости четырех мужиков, отдавших все силы работе. Напрочь выветрился вчерашний азарт гонки, острое предвкушение борьбы, когда поймавшие ветер парусники, рассекая воду, двинулись отвоевывать у пространства победные дюймы.

Пришли третьими. И грудь не распирало от гордого ощущения лидерства.

– Во как: без копейки рубля не досчитаешь. Самая малость и оказывается решающей. Да, чуток не дотянули, – досадливо проворчал капитан и отправился в судейскую коллегия оформлять документы прихода. И запропастился.

...Нехотя сложили паруса, без особого воодушевления накрыли импровизированный стол, сели. Завершилась суточная гонка. За спиной остались сто миль обозначенной условиями дистанции.

Зачастую в море неизвестно, чему равно расстояние, измеренное часами крайнего напряжения сил. Текучесть минут определяется их значимостью. Скоростной результат – сноровкой и слаженностью при перекладке парусов. Особенно на виражах, когда замираешь в готовности и ждешь выкрика рулевого: «Поворот!». А потом, не жалея ладоней, выбираешь слабины шкотов. Или на длинном галсе, когда, все выжав из лебедки для натяжения паруса, слышишь выдавленное рулевым: «У-у, лодыри! Подтяните ж как следует! Не могу видеть перед собой корму конкурента». Да где же он, в самом деле, рулевой наш славный? Солнце уже высоко. Еле покачивается лодка. Оцепенение от усталости рождает равнодушие к береговым новостям.

Наконец капитан появился. Придирчиво прищурился на ждущую команду:

– Так вот, ребята, больше мы не живем в советской стране, – сказал он, будто не веря собственным словам.

– Батя, Кузьмич, ты чего? Нет, мы-то не проговоримся, но если так со всеми шутить, окажешься не здесь, а кое-где... – встрепетнулся Коля-Боцман.

Юнга Ленчик открыл рот, да и я привстал.

– Тем не менее... – задумчиво произнес капитан в никуда. – Пока мы в море гонялись, страна распалась. Про ГКЧП слышали?

Ничего мы не слышали! Выполняли команды, следили за ветром, работали с парусами. И теперь представить не могли, как можно вернуться в страну, которой уже нет.

– Все проголосовали, а мы – не смогли, – констатировал юнга.

– Не огорчайся, мелкий. Что значат наши голоса, когда все уже произошло? – урезонил Боцман.

– А может, дядя Коля, благодаря именно нашим скромным «да» или «нет» все решилось бы по-другому, – не успокаивался Ленчик. – Слова твоей правды или заблуждения все равно должны быть произнесены. И только тобой.

– Ладно, без нас разберутся. Да, вот еще... Решением судей заключительная короткая олимпийка завтра отменяется. Приплыли! Быстренько поднимаем яхту, ставим на стапель-балку. И потом отбой – обедаем! Ну, морячки, мобилизовались! – встряхнулся Кузьмич.

Чтобы перевести яхту в сухопутное положение, с носа и кормы под корпус заводятся петли – гаши. Их концы строятся к гаку

подъемного крана, стоящего на причале. Лодку поднимают и водружают на металлическую раму – большую телегу, которую потом нужно откатить в стояночный ряд.

Роня капли, яхта, подхваченная стрелой, зависла в воздухе. Крановщик прицелился, и натомившийся парусник стал в гнездо, придавив его тяжестью в четверть тонны. Оставалось только откатить неповоротливую железную конструкцию на колесах, снятых со старого самолета.

Пятеро мужиков уперлись в железные ребра телеги. Напряглись. Но она стояла как вкопанная.

– А ну кр-рякнули! – рявкнул капитан. Кеды вжались в щербатый бетон, под носком хрустнула пустая ракушка. Но телега – ни с места. Упираясь, мы стояли почти в горизонтальном положении и пытались раскатать ее ритмичными толчками. Бесполезно! Обмякшие, как тесто, шины словно прилипли к бетонному причалу.

– Эй, другим освобождайте место! Что, все силы в море оставили? Так звоните в пожарную бригаду, телефон за углом, – изгалялся с верхотуры крановой.

Но никто из нас даже не ругнулся в ответ. Пот напрасных стараний заливал глаза. Казалось, мы упираемся в стену. Вокруг уже собрались зеваки. Похлебывая пиво, они с интересом смотрели, чем кончится это силовое шоу.

– Пацана уберите! – взорвался Боцман. Но мальчишка лет пяти, выскочивший из толпы, продолжал с восторгом смотреть на наш публичный позор. Он браво подтянул трусы и благоговейным шепотом произнес: «Вот дядьки-моряки». А затем, деловито поплевав на ладони, пристроился сбоку и, подражая нашим подвываниям, приналег на телегу. И тут она сдвинулась! Пошла! Для преодоления инерции не хватало именно этого слабого усилия детской руки, шаловливой помощи пляжного шалопаю.

Пять глоток грохнули от смеха, а следом – и все зрители. Возле колеса, едва возвышаясь над ним головой, гордо выпятив грудь, стоял маленький герой.

Яхту без помех откатали на штатное место. Утерли пот. Начали искать глазами лупоглазого полпреда новой страны. Но мальчишка уже брызгами разгонял на воде солнечных зайчиков, ничего не зная о будущем.